

- - О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха
    - Баня пакибытия. Что совершается в купели крещения?
    - Жар ревности по Боге. О неотъемлемой черте христианской жизни
    - Покой наш есть лживый покой. Совершенно ли наше обращение?
    - Не ужасайтесь! Что делать, чтобы сподобиться благодати, или с чем можно сравнить Царство Божие
    - Где Бог, там блаженство. В ком Бог воцарится внутри
    - О благодатном выборе
    - Какие ж тут лады? Что Господь и Апостолы Его говорят о мире
    - Прибавление. Что такое мир, по слову святого Исаака Сирианина
  - Примечания
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Введение

Содержание

**О совершенном обращении к Богу от
прелестей мира и греха**

Баня пакибытия. Что совершается в купели крещения?

Святой апостол Павел, рассуждая о святом таинстве крещения, сокровенную силу его сравнивает со смертью и воскресением Господа. Погружаясь, говорит, в купель, мы умираем; выходя из купели, воскресаем. Умираем в купели для жизни плотской и греховной, а воскресаем из купели для жизни духовной, святой, богоугодной. «Или не понимаете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем.... Ветхий наш человек с Ним распятся, да упразднится тело греховное, яко ктому не работати нам греху» ([Рим. 6:3–4, 6](#)).

Итак, как светел воскресший Господь, так светло бывает естество наше, обновись в бане пакибытия¹ благодатию Святого Духа. Но не подумаем, братие, что тут все производит одна благодать, и производит только внешне или как-нибудь механически. Нет, спасительное действие ее совершается незримо – внутри. Наитствующая² в крещении благодать Духа запечатлеват собою ряд внутренних изменений сердца и движений духа и из них образует нового в нас «потаенного сердца человека» ([1Пет. 3, 4](#)). Посему святой апостол Петр крещение именует «совести благи вопрошением у Бога» ([1Пет. 3, 21](#)) образованием особенного, благодатию крепкого, нравственного характера. Что и как здесь бывает и быть должно, я поясню вам несколькими мыслями.

Всемиловитый Господь, сотворив человека по образу и по подобию Своему, указал ему тем последнюю цель во внутреннейшей общении с Собою, оградив достижение ее известными, подручными человеку условиями. Путь к достижению сей цели Бог положил в ревностном исполнении святой воли Его, которую напечатлел в чистой и непорочной совести человека, но не связал его в направлении своей деятельности, а одарил его свободою действовать, как хочет, по своему усмотрению, для того, чтоб он сам себя произвольно и самоохотно определил на неуклонное хождение в ведомой воле Божией. Для того же, чтоб человек имел возможность совладеть с своею свободою, Он в том же духе, в коем обитает свобода, внедрил страх Божий, или чувство всесторонней зависимости от Бога Вседержителя, всепромыслителя и всевоздателя. Вот

все стихии духовной жизни нашей по первоначальному устройению. Соединяясь воедино, они образовали бы собою нравственное духовное лицо, жизнь которого строилась бы и совершалась так, что человек, в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога, сам себя самоохотно определял бы на неуклонное хождение во святой воле Божией, истолковываемой совестью, в уверенности, что чрез это он пребывать будет во внутреннем общении с Богом, источником жизни, и блаженствовать в Нем. К сему предназначен человек, и так шла бы жизнь его всегда, подобно как сим образом идет она постоянно у Ангелов святых, – если б не падение.

Падение расстроило внутренний порядок духовной жизни. Отпал от Бога человек, и общение с Ним непосредственное прекратилось; чувство зависимости от Него замерло или ослабело – и не стало у человека сил совладать с своею свободою, устремившуюся не вслед воли Божией, тем более что и совесть или совсем перестала истолковывать волю Божию, или стала толковать ее криво. Так распались стихии жизни духовной, и жизни духовной не стало.

Между тем природа человека осталась та же, и назначение его пребыло то же. Посему и восстановление его могло совершиться не иначе как чрез восстановление первоначальных духовных сил его и возведение их в предопределенное взаимное сочетание. Сие-то и совершает таинство крещения по предварительном приготовлении к тому человека рядом нравственных изменений...

Приведу вам, в пояснение сего, один пример. Святой апостол Петр проповедует по сошествии Святого Духа в день Пятидесятницы. Слушавшие, прослушав проповедь, воскликнули: «что же нам делать?» ([Деян. 2, 37](#)) Святой апостол ответил: «покайтесь, покайтесь и веруйте во Евангелие, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа... и примите дар Святаго Духа» ([Деян. 2, 38](#)).

Разберемте, что здесь! Проповедь просветила совесть; просвещенная совесть воскресила чувство зависимости от Бога, или страха Божия, и вот – из сердца вопль: что нам делать? В ответ на это они получают: покаяться, уверовать, принять благодать чрез крещение. Покаяться – это значит решиться оставить дела богопротивные, обратиться к Богу ([Деян. 3, 19](#)) и определить свободу свою опять на хождение в воле Его, как определено было и первоначально. Кающийся и готов бы на это, но как приступить к сему, когда чувствует в себе, с одной стороны, свое нравственное бессилие, а с другой – немирность с Богом, Которого всегда прогневлял, и с своею совестью, которую всегда оскорблял. В исцеление

сих главных немощей и подаются ему вера в Господа Иисуса Христа как единое средство к умирению и воссоединению с Богом, и благодать Духа как опора нравственной силы и твердости. Замечаете ли, как здесь, в новом благодатном устроении, все прежние стихии и силы духовной жизни, ослабевшие и распавшиеся в падении, возводятся опять к своему значению и союзу! Чувство зависимости от Бога воскресает в покаянии, совесть просвещается словом, свобода укрепляется благодатию, общение с Богом посредствуется чрез веру в Господа Иисуса Христа, единого Ходатая Бога и человеков... Так все стихии, каждая своим особым оживительным врачевством, оживают.

Остается теперь слить их воедино, собрать, как лучи, в один фокус. Это и совершается в купели крещения, которое в сем отношении есть как бы благодатное горнило, где из восстановленных таким образом предварительно стихий духовной жизни вседейственною благодатию создается «нова тварь во Христе Иисусе» ([2Кор. 5, 17](#)), образуется «потаеный сердца человек» ([1Пет. 3, 4](#)). Из купели мы выходим новыми в таком именно смысле; чувствуем себя вкусившими новую жизнь и начинаем блаженствовать. Вот смотрите, что говорится о тех, кои обратились проповедию святого апостола Петра. «Принявшие слово, – говорится, – крестились» ([Деян. 2, 41](#)). И тут же прибавляется: начали пребывать в учении, общении, молитве, все были вместе, все у них было общее, как бы одна душа и одно тело, единокорно пребывали в церкви, непрестанно хваляще Бога, и жили в радости и простоте сердца ([Деян. 2, 42–47](#)). Как только окрестились, так и начали жить новою жизнью. Сия новая жизнь сознается всеми крещаемыми и есть их удел и наследие. Собрав теперь в одну мысль все начала духовно-благодатной жизни, соответственные и первоначальному ее устройству, мы увидим, что каждый крещаемый по внутреннему своему настроению таков: по вере в Господа Иисуса Христа, примирившись с Богом и приняв от Него благодатную силу, христианин чувствует себя определенным и сильным к неуклонному хождению в воле Божией, о чем и ревнует с готовностью на всякие труды или жертвования, ощущая еще здесь временную радость в богообщении и предвкушая имеющую быть в вечности радость нескончаемую. В сем-то и состоит «совести благи вопрошение» ([1Пет. 3:21](#)), или образование христиански-нравственного характера.

Привожу вам это затем, чтоб не забыли вы, что сила крещения состоит не в одном благодатном обновлении естественных сил духа, но и в нравственном изменении характера, или в том и другом вместе. По Божию устроению сначала происходят в духе человека нравственные

изменения, а потом благодать, вселяясь в человека чрез таинство, запечатлевает их в нем и тем обновляет самое естество его. В христианине уже не одно естество, а и благодать. На вид внешний он то же, что и все нехристиане, а на деле он есть растворение и смешение естества и благодати. Медь, например, одна издает звук глухой, а в соединении с серебром звучит чище и звонче, хотя на вид разности не заметно в той и другой. Медь одна – это естество наше; медь в соединении с серебром – то же естество, облагодатствованное в крещении. Возьмите яблоко с дикой яблони и яблоко садовое. На вид они могут быть совершенно схожи, а внутреннее достоинство того и другого совсем не то. Так христианин и нехристианин на вид будто одинаковы, но внутренний их не характер только, но как бы и состав – не одинаковы. Вся сила христиан – внутрь.

Сами христиане не могут не сознавать сего отличия и изменения, не в ущерб своему смирению, а в воздаяние славы Богу, спасающему их. Не все гибнет в человеке падением. Следы прежней красоты остаются на всех силах его, только они разрознились и распались. Это то же, что разбитое зеркало. Когда же возобновляется внутренний строй жизни духовной, тогда это то же, что зеркало цельное, которое ясно отражает все черты и части лица смотрящего. Обращаясь внутрь себя, христианин может ли не сознавать в себе сей дарованной ему целостности? До крещения человек – то же, что расслабленный во всех частях своих: ни стать, ни двинуться. По крещении он то же, что тот исцеленный, о котором говорится, что он ходил, «скача и хваля Бога» ([Деян. 3, 8](#)). Так и чувство бодрости и крепости сил, присущее христианину, облагодатствованному в крещении, может ли не свидетельствоваться в сознании?

И еще один образ. Зрительные трубки имеют три состава. Когда вдвинуть сии составы один в другой, трубка не показывает вещей, как следует, а когда они раздвинуты по соразмерности, все тогда видно в них хорошо... Трубка есть образ нашей трехсоставности: духа, души и тела. В падении дух подчинился душе, а душа и дух – телу, и человек стал дурно видеть свои отношения и дурно держать себя в них. В новом благодатном рождении дух возводится в свои права, держит душу в своем чине, а чрез нее и тело... Человек тогда получает predetermined строй частей естества, ясно сознает свои отношения к небу и земле и достойно себя держит в сих отношениях. Такое возу строение может ли укрыться от очей ума и совести?!

Видите теперь, какова сила святого крещения и как от нас самих не могут укрыться спасительные действия его в нас?! Войдите теперь в себя и сами для себя решите: есть ли там то, что дает святое крещение, или нет?

Если есть – возблагодарим Господа, без самовозношении однако ж, ибо все от Него; если нет – обличим себя, и укорим, и поспешим восполнить сие чрез таинство покаяния, в коем вновь крестятся грешники не в купели, а в слезах, хотя жизнь новую получают такую же, какая дается в купели. Аминь.

Жар ревности по Боге. О неотъемлемой черте христианской жизни

Припомните прошедшую беседу мою. Там видели мы, что верующий должен выйти из купели крещения ревнителем исключительно о богоугождении, с готовностью на все ради того пожертвования. Сей жар ревности по Боге, с любовью и самоотвержением, составляет столь неотъемлемую черту христианской жизни, что, в ком он есть, тот живет; в ком нет его, тот или мертв, или замер и спит. Это – семя жизни и, вместе, сила жизненная. Она есть плод сочетания благодати с свободою. Человек всецело предает себя Божией водительству; благодать, пришедши, восприимлет его, исполняет его, сочетается с ним, и из сей сокровенной сокровищницы жизни выходит человек «обновления» ([1Пет. 2, 9](#)) «ревнитель добрым делам» ([Тит. 2, 14](#)), избранный быть «святым и непорочным» пред Богом «в любви» ([Еф. 1, 4](#)).

Когда взрослые крещаются, то они действительно являются таковыми тотчас по крещении, ибо они тут же от своего лица представляют все необходимые к сочетанию с благодатию расположения сердца. Относительно же тех, кои крещаются младенцами, Божественная икономия³ нашего спасения благоволила установить такой порядок, что все, что к положению в нас начала христианской жизни зависит от благодати Божией, подается тотчас, и обновление совершается благодатию; то же, что зависит от нашей свободы, отлагается до возраста, до первой исповеди и причащения, когда человек самосознательно и самоохотно предает себя благодати, и тогда обновление, совершившееся прежде как бы независимо от него, благодатию одною, усвоется его лицу и начинает совершаться совместно с благодатию и свободою. Тогда и он является крепким благодатию Божиею ревнителем исключительно о богоугождении христианском с полным самоотвержением.

Всем известно, что до сего момента, столь решительного в жизни, все почти зависит от родителей и восприемников, а потом и от них, и от нашей свободы; далее же – и от тех многообразных отношений в жизни, в какие поставляет каждого непостижимое сочетание обстоятельств. От воздействий на наши сознание и свободу всех этих влияний и от того, как мы пользуемся ими, выходит, что у одних – все свет, у других – все тьма, у третьих – ни свет, ни тьма... Я разумею под сим то, что одни, после

прекрасного детства и отрочества, пришедши в сознание, возлюбляют христианство крепкою любовью и ревнуют по нем неуклонно, от силы в силу восходя и стремясь достигнуть «в меру возраста исполнения Христова» ([Еф. 4,13](#)); другие уклоняются от Господа в путь страстей, в рабство духу мира и князю его, и живут в богозабвении и богопротивных порядках; третьи не знают кому принадлежат – не то Христу, не то миру, внешне участвуют во всех порядках христианской жизни, а мыслями и сердцем в другой области обращаются и в других предметах полагают свою утеху, услаждение и счастье; это христиане, не имеющие духа Христова! Не о Господе у них забота, а об одном том, как бы покойно и утешно прожить на земле, среди всех порядков, в которые поставляет их случайная обстановка временной жизни, не обнаруживая себя, однако ж, чуждыми и христианского чина и не объявляя себя богоборцами и христорборцами отъявленными.

Итак, если, обратясь назад, захотим мы добросовестно определить, каковы мы в отношении к Господу Иисусу Христу, исключительно служить Которому приняли мы обязательство в святом крещении, то одни окажутся ревностными любителями Господа и жизни христианской, другие преданными миру и страстям – христорборцами, третьи – внешними христианами с миролюбивым сердцем.

К кому же из сих обратиться мне теперь слово?

Первые не требуют слова. Мы только можем, вслед их смотря, Господа прославить и их ублажить... Блаженны вы, внявшие призыванию Господа!.. Вы «во свете лица Его шествуете и о имени» Его радуетесь на всяк час ([Пс. 88, 16–17](#)), взывая: «исчезе сердце мое в Тебе, Боже, Боже сердца моего» и Бог мой! ([Пс. 72, 26](#))

Ко вторым что и простирать слово, когда их здесь нет и никогда не бывает?.. Они совсем уклонились в путь погибельный. Об них можем жалеть только и молиться.

Итак, к вам слово мое – внешние христиане, без духа Христова, без сердца, Господу всецело преданного, без ревности об угождении Ему единому!.. Или не к вам одним, а к нам вместе, ибо и я первый от вас.

Что же мы с вами скажем себе? Ах, братие, понудим себя взойти к чувству опасения за себя и свою участь вечную... Подумайте, что говорят об нас все истинные любители Божии, – и те, кои еще здесь, на земле, и те, кои уже на небе. Что другое могут сказать они, кроме следующего: «Вот люди, кои, кажется, от нас суть, но не суть наши». Простое, кажется, но какое страшное слово! Ибо если мы не их, то и они не наши, и ничто ихнее не наше. Стало, не наш Христос, не наши все обетования Его, не наш рай и

вечное блаженство. А если это не наше, сами знаем, что должно быть наше?! Видите, какая беда! Между тем осмотритесь кругом – у нас все почти христианское: порядки христианские, понятия христианские, речи христианские, много правил и дел христианских!.. Чего недостает?.. Недостает сердца христианского. Оно не туда устремлено... не в Боге его благо, а в себе и в мире, и не на небе его рай, а на земле. Недостает этой крепкой, как смерть, ревности о богоугождении и спасении. Мы как будто заснули и замерли... и движемся так, как движет нас течение жизни. Сию-то ревность и давайте возбуждать в себе, ибо кто это сделает, кроме нас?! Сами привязались к миру, сами же и отрывать себя от него будем.

Войдемте же к сердцу своему холодному, нерадивому и беспечному, и начнем его дружески уговаривать образумиться наконец, стряхнуть узы страстей и мира, самоохотно на себя наложенные, и устремиться ко Господу. Будем говорить душе так: «Ты создана по образу и по подобию Божию. Беспредельный Бог так благоволил устроить тебя, чтоб светиться в тебе с совершенствами Своими, как солнце светится в малой капле воды, и быть видимому в тебе – и тебе, и всем видящим тебя, земным и небесным. А ты отвратилась от Бога и обратилась к миру, восприяла его мерзкий образ и чрез то стала носить зверообразное подобие князя века сего. Помяни первое благородие свое, великое и ни с чем не сравнимое, пожалей о настоящем неблагообразии и обратись ко Господу, чтоб обновиться по образу Создавшего тебя.

Бог ищет тебя и, ища, окружает всеми милостями и попечениями Своими: жизнь твоя Его есть и все к жизни потребное Его же: и свет, и воздух, и пища, и одежда, и жилище, и все, что есть в тебе и у тебя, – Его есть. И это что еще? Тебя ради Он с неба нисшел, страдал, умер на Кресте, воскрес, вознесся на небо, Духа Святого послал и учредил на земле [Церковь](#), в коей совместил все, ко спасению твоему нужное, и главное – путем рождения, порядком внешней твоей жизни ввел уже тебя в сию сокровищницу благ духовных!.. Видишь, сколько любви! И за все сие от тебя требует Он единого сердца твоего. И капля воды, согретая солнцем, восходит горе... Ты же что медлишь обратиться к Господу, со всех сторон согреваемая теплотою любви Его?!

Не видишь ли, все вокруг идут ко Господу – и бедные, и незнатные, и неученые. Что же ты стоишь, попуская всех предварять тебя в Царствие? ! Будто ты хуже других? Заделена ли ты чем?! Лишена ли ты чего, что всем дается?! Что же стоишь?! Подвигнись, поспеши, пока не заключилась дверь, еще отверстая к принятию всех обращающихся ныне.

Что стоишь? Обратись к Господу и начни Ему усердно работать...

Время течет... силы стареют, грубеют и приближаются к неподвижности в своем превратном направлении. Между тем ныне, завтра – смерть. Смотри, не остаться бы тебе совсем в этом закоснелом охлаждении к Господу. Вспомни страшный конец, когда и Бог окончательно отвернется от необращающихся к Нему и отвергнет отвергающих Его, – и страхом подвигнись устремиться ко Господу.

Взыщи Господа! Бог или мир... середины нет. Или ты так беспечно спишь, что ничего не видишь?! Там все, здесь ничего; там истина, здесь призрак; там покой, здесь бесполезные заботы; там довольство, здесь непрестанное томление; там радость и веселие, здесь только скорби и туги⁴ сердца. Все это ты знаешь, испытала и все, однако ж, остаешься в той же суете ума и сердца... Рай на земле устроить хочешь... восьмая уже тысяча, как миролюбцы истощаются в средствах устроить рай на земле... И не только нет успеха, напротив, – все идет к худшему... не успеешь и ты, а только измучишься, гоняясь за призрачным благом мира, как дети за убегающею радугею».

Таковыми и подобными сим речами будем уговаривать душу свою – возлюбить Господа всецело и к Нему обратиться, возревновав, наконец, решительно о спасении своем. Не случится ли и с нами то же, что бывает с воздушными шарами... Будучи наполнены газом, тончайшею стихиею, с какою быстротою устремляются они кверху! Наполним и мы душу свою небесными истинами и убеждениями. Они проникнут и в сердце, привлекут желания, а там и все существо наше устремят к небу и всему небесному.

Впрочем, какая душа не знает всего этого? Все мы знаем, что надо исключительно Господу сердцем принадлежать и все обращать на угождение Ему единому – малое и великое. Но когда надлежит приступить к делу – отрешиться от всего, начинаем разные употреблять отговорки, чтобы остаться при своих пристрастиях... «Где нам! – говорят, – Эта высокая жизнь принадлежит только избранникам... Мы же хоть кое-как... Кто избран, тот особенно и призывается... Вот апостол Павел... и прочие, подобно ему, видимо призванные». На это вот что скажу: а эти избранные разве не сами пошли по зову Господа? Разве их связанными как бы влекла благодать? Услышали слово, покорились и устремились ко Господу... Пусть, впрочем, есть особые избранные... и у них все особо... Но есть ведь и общий для всех путь. Сим общим путем и пойдем...

Вообще же мы все избраны. Коль скоро слово истины коснулось нашего слуха, значит, мы избраны... Нас зовет Господь, и мы безответны, если не пойдем вслед Его. Посмотрите, как обращались другие... Один

услышал: «не скрывайте себе сокровищ на земле» ([Мф. 6, 19](#)) – и все оставил... Другой прочитал: «всуе мятется человек! сокровищствует, и не весть, кому соберет я» ([Пс. 38, 7](#)), оставил суету и вступил на прочный путь богоугождения. Третий взглянул на распятие с надписью: «Вот что Я для тебя сделал; что делаешь ты для Меня?..» – и всем сердцем предался Господу... Что это: разве все чрезвычайные призвания?! Да мы всякий день тысячу подобных истин слышим и читаем... Можем ли после сего считать себя непризванными?.. Нет, братие, не за призванием, а за нами дело.

Как обратились сии обратившиеся? Сознали, что нет жизни, как только в Господе, и переменили свою неподобную жизнь. Так должно быть и у всех. Внутреннее изменение или перелом зависит от добросовестности в отношении к сознанной истине. А эта добросовестность – всегда от нас... приложим ее и одолеем сами себя... Во внутреннее святилище сердца никто сторонний не войдет... Там все решает человек с своею совестью и сознанием... Станем же сами в себе пред лицом Бога и, живее воспроизведши все, чего хочет Бог, и сознавши неизбежность и неотложность того для спасения, положим в сердце своем сей завет: «Отселе начну принадлежать Господу всем сердцем и Ему единому работать всеми силами своими». И совершится наше избрание, ибо избрание и есть сочетание нашей решимости с призванием Божиим.

«Господь близ» ([Флп. 4, 5](#)). Ко всем приходит и толчет в сердце, не отверзет ли кто! Если сердце – замкнутый сосуд, кто виновен?! Всему вина – наша недобросовестность к познанной истине. Если б этой не было, все бы были всегда устремлены ко Господу. И многое ли требуется?! Ведь мы не совсем же чуждаемся Господа. Только угождение Ему стоит у нас не на первом месте... не есть главное наше дело, а как бы приделок. Дело же у нас – угождение себе, угождение людям и обычаям мирским. Поставьте теперь угождение Господу на первом месте и все прочее перестройте по требованию сей единой цели – и изменится ваше внутреннее настроение... Все останется то же... только сердце станет новое. Вот и все! Много ли это?!

Многое бы еще хотел говорить вам о том же, но вижу, что утомил вас. Остальное сами доскажете душе своей. Ибо кто, кроме нас самих, поможет Господу овладеть сердцем нашим?.. О, когда бы мы покорились Ему и Ему предали бы сердца свои, и лицом к лицу созерцали Его в себе, и все вращались во свете Его вокруг Него, как вращаются около солнца все светила, обращенные к нему и им освещаемые, составляя свой особый стройный хор! Аминь.

Покой наш есть лживый покой. Совершенно ли наше обращение?

Пишется в Евангелие об одном юноше богатом, искавшем спасения и не умевшем найти его ([Мф. 19, 16–22](#)). Юноша этот хотел спастись и делал нечто для спасения; но имел некоторые пристрастия, которые, как говорила ему совесть, несовместимы с делом спасения. Услышав о Спасителе, он искал беседы с Ним, может быть, в надежде в Его учении найти какое-либо оправдание своим сокровенным неправым расположениям. «Может быть, – думал он, – достаточно для спасения тех одних дел, какие я делаю, и Бог не осудит меня за те неправости, какие есть в сердце моем». Как известно вам, он ошибся в своем ожидании. Спаситель сказал ему такие слова, что он отошел от Него «скорбя». Господь потребовал от него в жертву именно то, что он хотел сохранить для себя. Юноша имел «стяжания многа» ([Мф. 19, 22](#)), наслаждался ими и всем, что соприсношено с тем; довольством, видным положением между другими, почестями, известною степенью власти и возможностью исполнять чрез других и в среде других все, что ни захочет. Он и добрые дела творил, но они ему ничего не стоили; их исполнение не требовало от него никаких жертв. Господь с первого взгляда на юношу узрел, чем заражена душа его. Потому, легко коснувшись того, что он делал, всю тяжестью Своего Божественного определения налег на то, что он хотел сокрыть в себе, – на его пристрастие к стяжаниям... Исполнял ты, говорит, все заповеди... теперь, «если хочешь быть совершенным, иди продай имение свое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах»; брось все, – «приходи и следуй за Мною» ([Мф. 19, 21](#)).

Иметь сокровище на небесах – что может быть ценнее сего? И однако ж, юноша «отыде скорбя»... верно, потому, что то, что имел он на земле, было для него дороже того, что обетовалось на небеси. Между тем мы не можем сказать, чтоб он нерадел о спасении. Вся беда его состояла в том, что он не имел совершенного обращения к Богу. Он и душу спасти хотел, и мирское любить не хотел отказаться, а эти две вещи несовместные... Где Господь, там – ничего мирского. И где нечто мирское, там – ничего Господнего.

Имея такой пример неодобрения Божия за несовершенное к Нему обращение, обратимся, братие, к себе и испытаем, совершенно ли наше обращение? И если нет, поревнуем сделать его совершенным. Так ли мы

отрешены от всего, что можем назвать себя всякую минуту готовыми на все, чего ни потребует Господь? И если нет, позаботимся до такой степени возвысить свое отрешение. Ибо это главное – все приносить в жертву воле Божией. Когда такой оборот совершен у нас внутри, тогда обращение наше полно и ни с какой стороны не будет препятствия и нам явить себя совершенными, и Господу признать нас таковыми в делах наших. Как птица, не привязанная и в клетку не заключенная, свободно летает по воздушному пространству, так всесторонне отрешившийся от пристрастий мира свободно, беспрепятственно действует в области воли Божией. Кто же оставляет у себя пристрастия какие-либо, тот до тех пор и свободен, пока дела не касаются до сего пристрастия. Как же скоро Господь потребует и его в жертву, он мятется, стесняется и тогда, подобно юноше, отходит от Господа, хотя отходит скорбя.

Если со стороны смотреть на юношу и подобных ему, можно жалеть, говоря: «Вот, сколько трудились, и все ни во что!...» А если бы разобрать их по существу дела, то окажется, что у них совсем не было трудов. Первый-то труд и бывает тот, пред которым они обращаются вспять. Грех, живущий в нас, или, лучше, действующий чрез него враг очень хитр и умеет укрываться под самыми светлыми благовидностями... Известно всем, что каждый из нас может иметь множество неодобренных расположений и склонностей; но всегда есть между ними одно или два господственных, вокруг которых группируются все прочие. Когда возгорится желание спасения, совесть требует искоренить все неправое, не жалея себя и не смотря ни на какие болезни сердца своего. Начинается работа внутренняя. Добросовестный охотно все приносит в жертву Господу. Души же, храмлющие на обе плесне⁵ и страждущие саможалением, хотя от многого, что мало для них стоит, отказываются, но всегда удерживают за собою то, чем господственно питается их самость, и этим портят все. Они думают, что много наделали, а между тем не делали еще ничего; думают, что при таких и таких делах не очень важно иметь какую-либо черту грехолюбия или миролюбия, а между тем для них лично в этом малом все – весь грех и весь мир.

Как дерево, когда подрублены его многие корни, а оставлен один, все живет, и цветет, и плод приносит, так грех и мир в нас весь живет, хотя, кажется, мы служим ему только малою частичкою... А отсюда вот что выходит: как один корешок плюща, разрастаясь, опутывает все дерево и иногда заглушает его, так грех, какую-либо стороною оставаясь в нас, духом своим исполняет и всю жизнь нашу, и все дела наши оскверняет и делает непотребными в очах Божиих. Тогда самые дела, какие

совершаются будто в угодность Господу, делаются орудием лелеемой нами в себе страсти, то есть благочестие – орудием греха и мира и виды служения Богу – прикрытием дел не Божиих. И выходит, мы – плод, красный на вид, с гнилостью или червоточиною внутри. Есть много лиц, кои с спокойною совестью миролюбствуют. Страх погибнуть заставляет их делать некоторые дела по заповедям, а саможаление держит в услугах миру и греху. Им думается, что они исправились, а на деле они то, что говорит Господь: «ни тепл еси, ни хладен, ...изблевати тя имам от уст Моих» ([Апок. 3, 16](#)). Избави нас, Господи, от сего!

Каин принес жертву Богу... а Бог внимания не обратил на нее. Почему? Потому что он принес то, что не было ему дорого. Авраам славится во всем мире как отец верующих, потому что, по требованию Господа, готов был принести или уже принес сердцем в жертву Богу сына своего возлюбленного, едиnorodного, принес то, что было ему дороже всего... Таковых же жертв требует Бог и от каждого из нас... И – по праву! Сам Он все для нас сделал и делает. Мало того, что Он сотворил нас, хранит и промышляет о нас. Но когда надлежало устроить спасение наше, не какую-нибудь тварь ничтожную употребил Он на сие, а Сына Своего Единородного послал в мир, и не за тем, чтоб Он действовал здесь со властью, а чтоб был унижаем, мучим и предан на смерть. После такой Жертвы со стороны Господа ради нас пред какою жертвою можем мы законно отступить ради Господа?! Те, кои в сокровенном уголке сердца прячут какой-либо идолчик миролюбия и грехолюбия, думают, может быть, что их хитрость не сделается кому-либо ведомою. Правда, Рахиль ухитрилась спрятать похищенного ею идола от розысков отца. Но как укрыться от всеиспытующего и всевидящего ока Божия? Мы живем и действуем пред лицом Бога. Или, может быть, думает кто, что то, что удерживает он из мирских пристрастий и греховных привычек, ничтожно? Но стань всякий в совести своей пред Богом и без кривотолкований и укрывательства рассуди: когда мы не хотим ради Господа отказаться от чего-либо, то это значит то же, как бы мы говорили Ему: «Это Тебе, а это мне». Как же можно так делать, когда нам ясно ведомо, что Он требует от нас всего, требует и того, что мы удерживаем для себя? Как бы ни было ничтожно то, что удерживаем мы в сердце из мира, но коль скоро из-за него вступаем мы в спор с Богом, поперечим Ему, противимся, то мы полные богоборцы. Мало того: если Богу отказываем мы в повинении ради пристрастия к чему-либо, то предмет пристрастия нашего дороже нам Бога. Если дороже Бога, то и бог наш, ибо то и бог сердца, что дороже ему всего. Стало, у нас бог – то, что не есть Бог, и мы идолопоклонники...

Мало ли это?

Не лучше ли, братие, после сего перестать нам считать ничтожными свои миролюбивые пристрастия и позаботиться пробудить спящую совесть и заставить ее возревновать об окончательном отрешении от всего. Покой наш, если точно мы покоимся, есть лживый покой. Господь праведный поставит же нас в такие обстоятельства, в которых встревожится все наше внутреннее, и уклонения сердца нашего обличатся пред всеми.

Все сие предлагаю вашему любомудрию, чтоб, вошедши в себя, вы сами себя обсудили и в дар Господу, Спасителю нашему, изготовились принести и делом принесли все неугодные Ему ваши любимости и драгости, пересмотрели и переправили все неровности и неправости сердца, под внешним благочинием скрывающего иногда мирские цели и страсти, чтобы представить из себя Богу «деву чистую, ...не имущую скверны, или порока, или нечто от таковых» ([2Кор. 11, 2](#); [Еф. 5, 27](#)). Аминь.

Не ужасайтесь! Что делать, чтобы сподобиться благодати, или с чем можно сравнить Царство Божие

Напоминаю вам одно утешительное Евангельское сказание. Господь приближается к Иерихону. Там, при пути, сидел слепец. Услышав, что Господь близко, он начал звать: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!» ([Лк. 18,38](#))

Другие хотели его остановить, но он неудержимо от сильной веры зывал: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!». Господь внял его воплю и исцелил его.

Благословим Господа, внявшего воплю слепого, но ублажим и слепца, не перестававшего вопиять к Нему о помощи. И вот нам, братие, образ нашего спасения, образ того, как душа избавляется от духовной слепоты, от мрака греховного и от всех уз миролюбия и страстолюбия, связующих ее. Душа ищет и вопиет, но, пока не придет Господь к ней на помощь, не отверзнутся очи ее и не спадут узы ее. «Без Мене, – говорит Господь, – не можете творити ничесоже» ([Ин. 15,5](#)) Христианин все может, но только «о укрепляющем его Господе» ([Флп. 4,13](#)), ибо благодать, пришедши, творит в нем «и еже хотети и еже деяти о благоволении» ([Флп. 2,13](#))

Не ужасайтесь, слыша, что духовное прозрение и свобода от уз мира и греха, или, что то же, всецелое обращение сердца к Господу, есть дело благодати, в той мысли, что это будто далеко... Напротив, радуйтесь тому, ибо что от Господа, то близ есть, как и Сам Господь есть Бог, ко всем близ сущий, а не отдаляющийся. От Господа все всегда готово нам, надобно только приложить то, что зависит от нас.

От нас ожидается горячее желание, искание и понуждение себя на отрешение от всего и на обращение к Господу. Но да не думает кто, что, когда все сие есть в нем, уже достигнуто все, что ищется. Нет; но, когда все сие есть, надобно ожидать, чтоб благодать Божия, пришедши, самым делом совершила отрешение и обращение. Узник усердно желает свободы, ищет ее и употребляет с своей стороны усилие к получению ее... Но все он в узах, пока не придет имеющий власть разрешить и не разрешит его. То же и в нас... Сильными узами связал нас враг чрез страсти и мир. Когда придем в сознание сего узничества и почувствуем несносность и пагубность сего положения, начинаем желать свободы, искать ее и свои

усилия употреблять к получению ее; но при всем том все остаемся в сих узах, пока не придет Господь «крепкий», не свяжет, как Сам сказал, держащего нас в узах, не разрешит нас и не пустит на свободу ([Лк. 11, 21–22](#)). Вот дерево многими корнями, глубоко пущенными в почву, внедрено в земле. Если б оно возжелало свободы, то не могло бы получить ее иначе, как когда бы сильная рука, приближаясь, исторгла его из недр земли. Глубоко и многоветвенно внедрились мы в мир и его обычаи... Пусть уже восчувствовали тяготу и пагубу сего, но исторгнуться не можем, пока не исторгнет нас Сам Бог, пока Бог, пришедши, не избавит нас от сей власти темной и не представит «в Царство Сына любви Своя» ([Кол. 1, 13](#))

Скажет кто: «Что же именно должно мне делать, чтоб сподобиться такой благодати?» Желает ли разрешиться от мира и со Христом единым быти – перее всего приложи к сему желанию всю искренность и силу, сколько от тебя сие зависит, и вместе с тем начинай искать благодати, не жалея себя. Где искать? Во всем том, в чем Господу угодно было сокрыть для нас ее, как в сосудах каких... Это – во всем устройении Святой нашей Церкви и всех чинах ее, паче же в святых таинствах – исповеди и святом причастии. Для сего в церковь Божию ходи, как только есть возможность, дома усердно молись, книги святые читай, беседы духовные веди с кем можешь, подвиг какой-нибудь положи на себя – в пощении, бдении, уединении, трудах вспомоществования ближним, не рассеивай, не суетись, не ищи пустой славы и возгласов людских; в себе уединись и к Господу припадай в сердце своем; паче же всего поговей, как должно исповедайся и причастись Святых Христовых Таин. Так ищи, и обрящеши, как обетовал Господь. Так толки, и отверзется тебе! ([Мф. 7, 7](#)) Все от Господа; но получают сие все только те, кои усиленно, себя не жалея, ищут... Пусть трудно; но то утешительно, что непременно найдут... Придет наконец благодать, и тогда душа, как птица, освободившаяся от тенет, свободно начнет парить в области Царства Христова.

Только не поленись искать, и искать именно там, где можно найти, то есть в Церкви и церковном устройении. Дурно делают те, кои будто ищут Господа, а Святой Церкви Божией и всего церковного чуждаются или придерживаются сего только отчасти, как бы случайно, без уверенности в существенной необходимости такого порядка жизни. Нет, не найдешь Господа и благодати Его вне Церкви. Вне Церкви – мир, царство врага Христова и наш его... Там обретают пагубу, а не благодать спасительную... Церковь же Божия, вся и во всех частях своих преисполненная благодати, есть сосуд или вместилище сосудов благодати.

Слыхали вы о веществе, которое называют электричеством? Когда его

возбуждают в какой-либо вещи или наполняют им вещь, тогда сия вещь делается сосудом электричества, и кто коснется ее, из нее исходит искра и делает чувствительный удар в палец или в ту часть, которою коснешься ее. Вот как если б кто целый дом устроил полным сего вещества и потом всякую вещь в доме исполнил сим, так что вошедший, чего бы ни коснулся, из всего получал бы искру и удар, так Бог устроил Церковь: всю ее и все то, что есть в ней, исполнил благодати, так что ищущие чрез все церковное могут воспринять ее. Того слово обращает, другого – пение, того икона поражает, другого – священнодействие... тот великим чем поражается, а другой – малым; но во всех случаях действие одно: как удар какой исходит, поражает сердце, и оно становится с той минуты иным, приемлет как бы обручение какое или залог, вследствие которого, отрешась от мира, в Господе едином жить начинает. Итак, желаешь ли разрешиться от мира и с единым Христом быти – искренно возжелай сего и, не жалея себя, начинай искать, ходя во всех чинах и учреждениях Святой Церкви, под сими, как бы сказать, облаками, содержащими благодатную воду, и найдешь. Придет минута, когда Бог отверзет очи твои, как за руку возьмет тебя из власти темной и представит «в Царство Сына любви Своея»

Долго ли, коротко ли будет сие искание – не наше дело определять. Есть око, называющее труд твой и ждущее с нетерпением, когда наконец ты взойдешь в то состояние, в котором полно можно воздействовать на тебя. Жди и благодушно терпи в трудах искания. Как во внешней природе – употребим то же сравнение – помянутое электричество не на всякое тело действует, но на те только, кои к тому предрасположены, так и в духовном мире, пока не вообразятся в духе нашем потребные расположения к приятию благодати, благодать не изливается в него, чтоб не быть излишней всею. Главное препятствие, как я уже напоминал, – наша неискренность в отношении к познанной истине. Знаем, что мир несовместен со Христом, а между тем, намереваясь вступить в путь следования за Христом или уже и вступив в него, жалеем о некоторых вещах и пристрастиях и влечем их за собою, как бы наперекор непреложному определению Господа, что нельзя «Богу работать и мамоне» ([Мф. 6, 24](#)) Господь видит сердце наше то в миролюбии, то в боголюбии, то есть полумирским и полухристианским, и не вверяет ему Себя и благодати Своей, как и хозяин, имеющий глаза, не станет вливать воды или другого чего в дырявый сосуд. Нет, надо совсем отрешиться от мира сердцем и быть чуждым в нем, хотя иногда нужда и заставляет внешне участвовать в делах его. Этому отвращения и ждет Господь, и

Сам же спешит его произвести в нас влиянием Своего Божественного призрения⁶ в сердце, чтоб потом исполнить нас Собою. Но без нас не произведет его. Нам самим надо возжелать нелюбвия и отвращения к миру и нудить себя к тому.

Царство Божие вот с чем можно сравнить!

Вообразите себе обширную долину, полную разнообразной растительности. В середине – прекрасный дом, в коем князь красоты, ума, силы и богатств неописанных... От дома лучами расходятся дорожки, которые чем далее от дома, тем более перемешиваются и переплетаются между собою. Несмотря, однако ж, на сие переплетение, все они могут провести к дому, то есть не представляют путей заблудных. Но к последним пределам долины начинаются дорожки, кои переплетаются с дорожками чуждыми, ведущими не к дому, а в противоположную от него сторону, за пределы сей блаженной царственной долины. По всем дорожкам ходит множество людей. Идут все к князю, который обещает тем, кои дойдут до него, вечное с собою ликование – в доме, обители и наслаждения коего неисчислимы. Князь видит всех идущих и все труды, какие каждый подъемлет в шествии сем. Но его начинают видеть и ощущать только те, кои вступают на дорожки, не смешанные с чуждыми путями... и чем ближе подвигаются к дому, тем яснее видят князя; а наконец лик его так печатлеется в них, что они всецело исчезают в нем, с ним как бы растворяются сознанием, себя забывая, ибо он есть весь сладость. Те же, кои ходят по смешанным дорожкам, знают, что есть князь, но не видят его, желают его, но не вкушают, ищут, но не обладают. К ним, напротив, доходят шумные ликования из враждебного князю царства и занимают их собою, и они, идя, попадают то на княжескую дорожку, то на вражескую и склоняются то к дому князя, то в противоположную сторону. Из них одни, походив тут немного, совсем сбиваются в область врага; другие, мало-помалу подвигаясь, переступают на несмешанные дорожки и устремляются к дому князя, третьи и ко врагу не хотят, и к дому не спешат, а положили, кажется, блуждать тут до конца жизни, сльвя княжескими и не принадлежа ему по видам своим. Те, кои, минуя дорожки смешанные, ступают на несмешанные, в первый раз встречаются с светлыми очами князя, из коих влагается в сердце их ненасытный огонь рвения к поспешному шествию. Здесь прекращается обаятельное действие вражеских кликов...

Не нахожу нужным пространно толковать сие уподобление; оно должно быть понятно вам. Блаженны перешедшие смешанные пути! Это – совершенно отрешившиеся от мира. Окаянны ушедшие на

противническую сторону! Это – совсем предавшиеся миру и врагу. Идущие же смешанными путями могут быть и блаженны, и окаянны.

Блуждающие по сим дорожкам суть те, кои не совсем еще отрешились от мира и остаются здесь или потому, что проходят период отрешения, которое требует времени и не у всех совершается вдруг, или потому, что по лукавому саможалению не хотят окончательно расстаться с миром, а думают как-нибудь и миром наслаждаться, и Христовой части не лишиться. Последних ожидает жалкая участь тех, коим Господь угрожает судом: «ни тепл еси, ни хладен» ([Апок. 3, 15](#)). А первым надо сказать: что мешкать, гоняясь за призраками? Вступайте смелее в пути отрешения. Князь уже видит вас и желает вас. Минете сии смешанные пути – вступите в несмешанные. Там очи ваши встретятся с очами князя... Из них ниспадет огонь в сердце ваше и воспламенит его вседовольною любовью и рвением к шествию в дом его, не зная покоя и усталости...

И вот опять пришли мы к тому же, к чему и прошлый раз, то есть что надобно совсем отрешиться от мира и всего мирского, чтоб быть со Христом.

Начните же, братие, «такو тещи, да постигнете» ([1Кор. 9, 24](#)). Господь да благословит начинание ваше и да благопоспешит вам в посильных трудах ваших!

Аминь.

Где Бог, там блаженство. В ком Бог воцарится внутри

«Ищите... прежде Царствия Божия и правды Его» ([Мф. 6, 33](#)).

По указанию сей заповеди Божией и ныне хочу говорить вам о том же, именно – о всецелом устремлении сердца нашего ко Господу.

Хотя это предмет самый обыкновенный, ибо что обыкновеннее мысли: «Отрешись от всего и ищи единого Бога, в Коем полнота благ» – но как Он, может быть более чем другой какой, забывается, как забывается нередко мысль о солнце, столько для нас необходимым и нас непрестанно освещающем, то надлежит необходимость напоминать о Нем, и не только указывать, но и воспроизводить это солнце на духовном гори зонте нашем. Что есть главное, от того и отрываться не должно сознание наше и сердце наше. А в чем сердце, о том сладко говорить и сладко слушать, хотя бы то было непрестанно. Так не поскучайте.

«Ищите... прежде Царствия Божия». «Ищите прежде...» – то есть в ряду ваших забот и попечений на первом месте должно стоять искание Царствия Божия. Это должно быть главным нашим делом; все же прочее должно быть приделком, должно последовать за сим, как плод и придаток.

Что же такое Царствие Божие? Это есть дарение Бога. Где сие Царство? Сие «Царствие Божие внутри вас есть», – законополагает Господь ([Лк. 17, 21](#)). Значит, Царствие Божие есть парение Бога внутрь вас, и искание Царства Божия есть искание того, чтоб Бог воцарился внутрь нас. Над чем? Над всем, что есть в нас, над нашими мыслями, желаниями, чувствами, намерениями, делами, – искание того, чтоб Бог сделался Царем нашего ума, сердца и воли... Бог есть Царь нашего ума, когда ум чрез покорность вере, усвоив себе все, сообщенное нам в святом откровении, о едином Боге думает и о всем сущем и бывающем судит по Богу. Бог есть Царь нашей воли и совести, когда, напечатлев в себе заповеди Божии и положив их себе в непреложный закон, мы ни в малом, ни в великом не позволяем себе отступать и на малую черту от сознаваемой воли Божией. Бог есть Бог сердца нашего, когда, ощутив сладость Божественного, оно отвергает все земные сласти и, ни в чем земном не находя вкуса, все живет на небе, там, где и сокровище его.

Так бывает «внутри». Но Царствие Божие от внутри простирается и вовне... Ибо, когда совершится все сказанное внутри нас, тогда и все внешнее перестраивается по тому же духу и направлению; но тому же

духу начинают действовать и язык, и глаза, и слух, и все другие чувства; тем же духом направляется тогда всякое движение вовне и всякое действие – наедине, в семействе, на должности, в обществе и во всех житейских отношениях... Словом, тогда во всех проявлениях нашей жизни внутренней осязательным направителем бывает Бог, что и печатлется во внимании всех, по слову Господа: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» ([Мф. 5,16](#))

Того, в ком Бог воцарился внутри, вы видите участвующим во всех делах, к каким обязывает его положение; но в них он только внешне, внутренне же он весь в Боге, от Коего и исходят для него манования на всякие дела и начинания, на число их, широту и образ совершения. В таких верно исполняется то, что заповедал апостол: «да имущии жены, якоже не имущии будут; и плачущийся, якоже не плачущий; и радующийся, якоже не радуящийся; и купующии, яко не содержаще; и требующии мира сего, яко не требующе» ([1Кор. 7, 29–31](#)).

Так-то: кем взыскано Царствие Божие и обретено, в том «Бог бывает всяческая во всем» ([1Кор. 15, 28](#)); так что как на небе почивает Он на Херувимах и Серафимах, так почивает и в нем на всех силах его духа, который и сам, растворившись в Нем сознанием и самодеятельностью, все, и внутренне и внешне, направляет к угождению Ему единому, возлюбив Его, как заповедано, всем сердцем, всюю душою, всем помышлением и всюю крепостию ([Мк. 12, 30](#); [Лк. 10, 27](#)).

К сей мысли приведу вам на память одно обстоятельство из ветхозаветной истории. В народе Божиим часто случалось так, что один, и два, и более цари, один после другого, восходили такие, кои, увлекшись обычаями язычников, заводили идолопоклонство и у себя. Тогда в большом количестве являлись идолы – на холмах, в рощах, на площадях города и даже в самом храме. Им служить тогда начинали, а служение Богу истинному было забываемо. Но когда потом Бог воздвигал в нем царя, по сердцу Своему, как, например, Иосафата, Езекию, Иосию и других, он первым делом своим поставлял очистить храм, град, все холмы и рощи и все царство от идолов. Нечестие прогонялось, воссиявало благочестие. Един Бог истинный был чтим и поклоняем в храме, и во граде, и в весях, и полях. Бог опять был видимо для всех Царь у них.

Подобное нечто совершается и в нас. Каждый из нас есть малое царство. Царь – мы сами, наше сознание и самодеятельность. Подданные – силы нашего существа, силы тела, души и духа. Святылище Божие в нас – сердце. Когда наш царь – сознание и свобода – отвращается от Бога и

уклоняется к себе и тварям, тогда страстями и превратными склонностями, как идолами какими, наполняется все наше существо; всякая сила души и тела становится местом жречества особому идолу... Бог забыт. Мы служим тогда в теле, например сластолюбию, лености, похоти, сну, ругательству в плясках, гуляньях, театрах и проч., как язычники служили Венере, Бахусу и другим. В душе служим тщеславию, человекоугодию, зависти, гневу, ненависти, интересам страсти блистать, нравиться и проч., из коих всех слагается в нас идол самости и закоренелого эгоизма, то есть мы всесторонне идолопоклонствуем тогда и всеми силами своими служим богам иным. Мы в богозабвении, богоотвращении, боговраждевании. Но когда сретит, наконец, нас милость Божия и пошлет Он нам дух страха и благоговейства, – пробуждается тогда наш царь – сознание и свобода и, к Богу обратившись, ревностно начинает очищать царство свое от всех идолов, прогоняет страсти из всех сил своих и, вместо них напечатлевает соответственные добродетели, чтоб ими угождать Богу, положив наперед Ему единому служить до положения живота; тогда во святилище нашем как чувствует не самость, а самоотвержение и Богу преданность, а в душе и теле вместо страстей – святые плоды духа: смирение, кротость, воздержание, чистота, любовь, мир, долготерпение, трудолюбие и прочее, и все сие ради Бога, ради угождения Ему, в чувстве всесторонней зависимости от Него и обязательства совести, – все направляет по воле Его и во славу Его. Тогда восстанавливается в нас богомыслие, боголюбие, богопреданность, богопоклонение. Бог воцаряется в нас, все же богопротивное, богонеугодное – и малое и великое, внутри и вне – прогоняется и истребляется. Вот и воцарение Бога в нас!

Не подумал бы кто: «Все Божественное и все – Бог.. и ничего стороннего... ничего от благ мира сего, нас окружающего... Как это тяжело, сухо, безотрадно!..» Напротив, тут-то и есть наше место, наш чин, наш рай, когда мы к Богу устремляемся и все направляем к угождению Ему единому. Ибо, когда сие бывает с нашей стороны, тогда и Бог не сторонним зрителем бывает таких изменений внутри нас, но Сам снисходит к нам и сочетается с душою нашею. А где Бог, там блаженство. Как жених и невеста, любящие себя взаимно, так блаженны души, чрез посвящение себя Богу сочетавшиеся с Ним. Надобно только строго соблюдать условия сего сочетания и обязательства его. Апостол сказал: «я ревную о вас (верующих, новообращенных) ревностию Божию, потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» ([2Кор. 11, 2](#)). Вам известны чувства невесты к жениху?! Таковые же чувства должны иметь и души наши ко Христу Господу. Невесте тогда и на мысль не

приходит засматриваться на что-либо и на кого-либо, только и мыслей у нее, что о женихе, только и чувств, что к жениху. Так должны быть расположены и мы ко Господу. И мыслями одним уклонение к чему-либо, кроме Него, есть уже нарушение брачного с Ним союза, а не только чувствами и расположениями. «Господь Бог твой... есть Бог ревнитель», – говорит пророк ([Втор. 4, 24](#)). Как ревнив бывает муж или жених, так ревнив Бог относительно душ наших. Не может Он терпеть, когда мы приложим сердце свое к чему-либо, кроме Него. Но как жена или невеста, хотя со всеми по закону сожителства бывает в добрых отношениях, сердцем, однако ж, предана жениху только или мужу, так и душа – пусть всем занимается, чем нельзя не заниматься по условиям жизни, но внутренним своим обращением вся должна быть устремлена к единому Богу. Жених или муж не разбирает, велико или мало лицо, к которому хочет склониться жена или невеста, но не терпит самого уклонения, кого бы оно ни касалось, так и Бог гневается на душу, к большим ли или к малым вещам питает она пристрастие. И все сие Он видит. Невеста от жениха еще может как-нибудь скрыть измену свою внутреннюю, а от Бога ничего скрыть нельзя. Все Он видит – и неравнодушен бывает к изменам сердца наш его... а тогда же и наказание посылает – тем сначала, что тотчас же сокращает изливание Своей щедродательности в душу, которая вместе с уклонением от Бога начинает испытывать омрачение в мыслях, смятение в желаниях, неустройство в чувствах... и это если малое бывает уклонение! Что же сказать о большом?! Тогда отходит Господь... оставляет душу... разводится с нею. Но когда не Господь сочетается с душою, то сами знаете – кто... Да избавит всех нас Господь от сего бедствия!

Так, братие, уже не в первый раз склоняю речь мою на то, что не частью какою, а всецело надо нам покориться Господу и предать себя Ему, чтоб вы, если не склонитесь на то, по крайней мере мысленно, в душе своей, сказали: «Нельзя иначе, надо Господа взискать и к Нему единому устремиться всем существом своим. Остается одно: или гибель, или так сделать. Нельзя «Богу работать и мамоне» ([Мф. 6, 24](#)). «Кто не со Мною есть, – сказал Господь, – тот на Меня есть; и кто не со Мною собирает – расточает» ([Лк. 11, 23](#))

Не ужасайтесь! Одно содержите в мысли, что такого рода устройство жизни не есть насилие, а исход на свободу, не есть скорбность, а облаженствование, не есть лишение, а вступление в полноту благобытия. И, сие содержа в мысли, подвигайте себя соответственно тому на дело.

Господь да пошлет мужество сердцу вашему и крепость духу. Аминь.

О благодатном выборе

Прошлый раз слышали вы о Царствии Божиим, которое внутри нас есть ([Лк. 17, 21](#)). А вне нас разве его нет?! Есть оно и вне нас. Разверните святцы и читайте: ныне такого-то святого, завтра такого-то, послезавтра такого... и так далее всякий день имеет своего святого. В совокупности же тут помещены все, от века Богу угодившие, – праотцы, отцы, пророки, апостолы, святители, мученики и мученицы, преподобные отцы и преподобные матери, бессребреники, Христа ради юродивые. Сонм много зело! Все они ликуют на небе, о нас молятся и нам помогают. Это одна часть Царствия Божия, которая вне нас, – Церковь первородных, на небесах написанных.

Нисходя оттоле на землю, видим, как под их благожелательным и молитвенным влиянием и здесь, в Церкви Божией, истинно верующие возрождаются благодатию Божиею, зреют и восходят «в меру возраста исполнения Христова» ([Еф. 4, 13](#)), чтоб, пожив подобно им на земле, подобно им прославиться на небе. Вот из тех и других, небесных и земных в совокупности, составляется благодатное Царство Христово, Церковь спасаемых в Господе, предмет благословений Божиих и цель желания всех людей, понимающих истинно свое значение.

От сего блаженного видения Царства Божия оторвав внимание ваше, обзрите теперь происходящее вокруг вас, и увидите, что, в противоположность сему Царству Христову, стоит другое царство – царство князя века сего, слагающееся из всех миролюбцев и грехолюбцев, отшедших и живущих, воздвигнутое и поддерживаемое злорадною злобою исконного врага нашего, наперекор благосердому попечению о нас Господа, в обман, прельщение и пагубу нашу.

Вот два царства!

Все мы, живущие на земле, неизбежно состоим под влиянием обоих их и – то склоняемся к тому или другому, то стоим промежду их, как бы в нерешимости, к какой стороне пристать и куда склониться.

Вот что пришло мне ныне на мысль, и я понуждаюсь сказать вам, братие, всем вам известный закон: «не любите мира, ни яже в мире» ([1Ин. 2, 15](#)), «изыдите от среды миролюбцев и нечистотам их не прикасайтесь» ([2Кор. 6, 17](#)).

Мне бы хотелось, однако ж, чтоб вы сами добровольно сделали такой благой выбор или поворот. Потому хочу показать вам противоположность

характеристических черт Царства Христова и царства князя века сего. Не думаю, чтоб кто из вас не знал истины и спасительности первого, лжи и пагубности последнего. Но в пред положении, как бы хлопотами или другим чем не были вытеснены мысли сии из головы вашей и сердца вашего, неизлишним считаю напомнить вам о том.

Во всяком царстве видятся царь, законы, преимущества, или обетования и награды, и конец, к которому оно приводит.

Все сии черты в Царстве Христовом определенно ясны, несомненно верны и непреложны, а в царстве века сего – лживы, обманчивы, призрачны. Вот посмотрите сами!

Кто Царь в Царстве благодатном? Бог, в Святой Троице поклоняемый – Отец, Сын и Святой Дух, сотворивший мир и о всем промышляющий, Который, устроив нам спасение в Господе Иисусе Христе, властно наложил на всех последующих Ему заповеди и повеления Свои для собственного их блага; всем дает Себя знать, вкушать, духовно осязать; о всех милосердует и печется, всем помогает и всех удостоверяет: «Работай по воле Моей в вертограде Моем; Я все вижу и за все воздам тебе». И трудящиеся в Царстве Христовом определительно знают, Кому работают, и это дает им внутреннюю крепость и терпение в трудах. Они уверены, что трудятся пред лицом Господа всевидящего, многопомощного, многоутешительного, и радуются при всех тяготах и теснотах, в какие поставлена их усердная работа Господу. Я «стражду, – говорит апостол, – но не стыжуся. Вем бо, Емуже веровах, и известихся, то есть я уверен глубоко, яко силен есть предание мое сохранить в день он» ([2Тим. 1, 12](#)).

В царстве князя века сего – в мире – со всем не то. Тут никто не знает, кто их царь. Если б самый отчаянный миролюбец сознал, что царь у него злобный и мрачный сатана, которому он раболепствует на свою собственную по гибель, тотчас с ужасом устремился бы вон из его области. Но сие сокрыто есть от сынов века. Враг сокрыл мерзкий образ свой от взоров их. И миролюбцы раболепствуют, не зная кому. Вы поминутно слышите: «Того нельзя, другого нельзя... так должно... и так надобно...»; но спросите: «Почему? Кто велел?» – никто не скажет. Все стесняются и тяготятся заведенными у них порядками, даже осуждают и бранят их, но никто не посмеет отступить от них, боясь кого-то, – будто назирающего, готового взыскать, которого, однако ж, никто не может указать и определительно наименовать. Мир – это совокупность лиц, работающих неведомому призраку своего воображения, хотя в действительности под ним хитро скрывается злобный сатана.

Какие законы в Царстве Христовом? Христос, истинный Бог наш,

определительно сказал:

«Делай так и так... и будешь Мне угоден, и спасешься. Отвергнись себя, будь нищ духом, кроток, миролюбив, терпелив, чист сердцем, люби правду, плачь о грехах, благоговеинствуй⁷ предо Мною день и ночь, благожелательствуй и благотвори братьям своим... и все заповеди Мои верно исполняй, не жалея себя...» Видите, как все ясно и определено, и не только определено, но и запечатлено навсегда неприкосновенно неизменностью. Как написано, так будет до скончания века. Всякий вступающий в Царство Христово верно знает, что ему делать должно, не ожидает никаких изменений в законоположениях Царства, потому шествует путем его благонадежно и бодренно, в уверенности, что несомненно достигнет того, чего ищет.

Не то совсем в царстве князя века сего. Тут никак нельзя остановить мысль свою на чем-нибудь определенном. Дух миролюбцев еще ведом; это – дух самости, гордыни, интересанства⁸ и всесторонней утешности и чувственности.

Но приложения сего духа – законы и правила мира – так шатки, неопределенны, изменчивы, что никто не может поручиться, чтоб завтра в мире не начали считать плохим, неодобрительным то, чем ныне восхищаются. Обычаи мира текут, как вода, и правила его – для одежды, речей, встреч, соотношений, стояний, сидений и всего вообще – непостоянны, как движение воздуха... Ныне так... завтра, не знаешь откуда, налетит мода и все превратит. Мир есть сцена, на которой сатана издевается над бедным человечеством, заставляя его вертеться по мановениям своим, подобно обезьянам или куклам в народных комедиях, заставляя его считать чем-то ценным, важным, существенно необходимым то, что само по себе мелочно, ничтожно, пусто. И этим заняты все – и малые, и большие, не исключая и тех, которые и по происхождению, и по воспитанию, и по действительному своему положению могли бы, кажется, свое время и труды употреблять на нечто лучшее, чем все сии призраки.

Какие преимущества и обетования Царства Христова? Господь и Бог наш говорит: «Работай Мне, и все тебе воздам. Всякое дело твое, и мысль твоя, и желания, и чувства, в угодность Мне тобою явленные и содержимые, не будут лишены награды своей. Чего другие не видят, Я вижу; что другие не ценят, Я ценю; за что другие, может быть, теснить тебя станут, Я Покровитель буду тебе; и за всякий труд твой готова тебе обитель вечная, она и создается трудами твоими». Так обетовал Господь, так и есть. И все вступающие в Царство Его испытывают делом верность

обетований сих. Они вкушают уже блаженство от трудов, коими трудятся в заповедях Божиих, – блаженство смирения, кротости, правды, миролюбия, милости, терпения, чистоты и всякой другой добродетели. И сии добродетели, будучи производимы благодатию Божиею, содействуют сердце их сосудом Духа Божия, Который есть для них залог или обручение будущего наследия, несомненно чаемого, ради сих начатков его, усвояемых всякому, кто нелицемерно работает Господу.

Таковы ли обещания мира? Нисколько. Мир все обещает и ничего не дает. Манит, раздражив надежду, но в минуту, так сказать, вручения обещанного похищает его... потом, снова указывая вдали, снова манит и снова у достигшего похищает из рук то, что, кажется, уже получено. Оттого в мире все гоняются за чем-то многообещающим, и никто ничего не получает; преследуют призраки, кои разливаются в воздухе в ту минуту, как они готовы схватить их. Миролюбцы важничают, в пустой уверенности, что, действуя по-мирски, они заслуживают внимание мира; но мир или не видит их дел, или, видя, не признает цены их, или, признав цену, не воздает условного воздаяния. В мире все до одного суть обманутые и все еще себя обманывающие надеждами, для которых никакой не имеют опоры.

Еще коротко укажу одну черту.

Работающие Господу внешне невидны, нередко презираемы и гонимы, но внутренно всегда зреют в совершенствах духовных, которые в другом мире воссияют в них, как солнце, и дадут им соответственное себе место и блаженство. Работающие миру внешне видны, блестящи, нередко всевластны, но внутренно снедаются тугою, муками сердца и жгучими заботами. Ни минуты не имея покоя здесь, переходят они и туда на безотрадное вечное мучение, которого описать нельзя.

Такова судьба здесь и участь там живущих по духу Христову и по духу мира. Вот характеристические черты двух царств! Не предлагаю вам – выбирайте... потому что только тот, кто всякий смысл потерял, может колебаться в выборе. И однако ж, царство века сего существует и никогда не бывает пусто, а ведь оно все слагается из нас. Что же это за диво? Ум ли наш по временам или с некоторых сторон бывает не очень умен, или дух мира, нас окружающий, так быстро действует, что омрачает прежде, чем успеем сообразить что-либо, одним взором привлекая и поглощая добычу, подобно ядовитым некоторым змеям? Но то верно, что многие и из христиан льнут к миру и мир не может жаловаться на редкость рядов в поклонниках своих...

Но, братие, как бы ни был обаятелен мир, в этом нет оправдания

увлекающимся. «Если бы, – говорит Господь, – Я не приходил и не говорил, вы не имели бы греха. Ныне же, то есть когда Он все разъяснил, нет вам никакого извинения» ([Ин. 15, 22](#)). Зачем это так сильно внушается и так часто повторяется в слове Божиим: «любвы мира... вражда Богу есть» ([Иак. 4, 4](#)) «не любите мира, ни того, что в мире» ([1Ин. 2, 15](#)) «изыдите из среды его и нечистоте его не прикасайтесь» ([2Кор. 6, 17](#)); отбросьте лукавство от душ ваших, и «живы будете» ([Рим. 8, 13](#)) и подобное? Затем, чтоб те, коих касается сие, взяли за разум, опомнились от опьяняющего миролюбия и, отрезвась, взяли себя в руки и направили от того, что есть призрак и обман пагубный, к тому, что есть сущность спасительная, – твердыми шагами вступив на верный путь вслед столь великого сонма мужей и жен, просиявших добродетелями на земле и возвеличенных славою на небе.

Милостивый Господь, молитвами всех святых Своих, да дарует возникнуть от диавольской сети всем, кои испытывают несчастье быть живы уловленными от него в свою его волю, и всех да переведет из тьмы сей в чудный Свой свет и из области сатаны к Богу. Аминь.

Какие ж тут лады? Что Господь и Апостолы Его говорят о мире

Несколько уже раз говорил я вам против мира и привязанности к нему. Не думаю, чтоб я надокучил вам тем, по уверенности моей в любви вашей к истине и готовности внимать ей, как бы она горька ни была. Но приходит на мысль, не почитаете ли вы строгих приговоров на мир моим личным мнением о мире и миролюбии? Не думаете ли, что мир не так противоположен Христу и жизнь мирская – жизни христианской, чтоб их не было возможности соединить и, живя по-мирски, жить вместе и по-христиански? По крайней мере, ныне в ходу то мнение, что строгое отчуждение от мира и всего мирского есть принадлежность недалекой простоты или неразумной ревности и мрачной меланхолии и что, напротив, достоинство нынешнего века и просвещения в том именно и состоит, что ныне умеют совместить христианство с миролюбием, с жалостию смотря на этих бедных недоумков, кои в видах спасения и богоугождения лишают себя тех или других благ и утех мира.

Не берусь вступать в спор с такими мудрователями. И ныне я положил – ни слова не говорить от себя, а собрать только в едино все сказанное в слове Божиим против мира и миролюбия. К себе обратясь, каждый в совести своей, конечно, найдет строгое внушение беспрекословно внимать тому, что заповедует Господь наперекор всем ходячим мнениям и всем возникающим из нашего сердца противочувствиям и противлениям. Что ясно и определенно говорит Господь и святые Его апостолы, то закон для нас.

Послушайте, что говорит о мире Господь и святые Его апостолы, и перестаньте суемудрствовать.

Как говорит о мире Господь? Но вы наперед знаете, что Господь, Который был столько снисходителен к грешникам и немощным, Который взял все грехи наши на Себя, Который иго Свое назвал благим и укорял учителей иудейских за то, что они обременяли людей излишними строгостям и, – такой Господь, конечно, не стал бы налагать на Своих последователей тяжесть отчуждения от мира, если б можно было миролюбие совместить с последованием Ему. И однако ж, смотрите, как говорит Он.

В каком отношении поставляет Себя Спаситель к миру? «Я, – говорит, – не от мира сего», и это слово повторяет несколько раз ([Ин. 8, 23, 17:14–](#)

16). «Я не от мира сего», и «Царство Мое несть от мира сего» ([Ин. 8, 23, 18:36](#)). Царство Христово устроится в мире же и из людей мира, но на развалинах царства князя мира. Почему Господь говорит: «Я с неба сошел связать крепкаго, разрушить дела диавола!» ([Ин. 6, 38](#), [Мк. 3:27](#), [1Ин. 3, 8](#)). Как это совершенно крестною смертию, то пред страданием вот какой произнес Он приговор миру: «ныне суд есть миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» ([Ин. 12, 31](#)). Видите, какая противоположность! Как же хотите вы, угождая миру, быть со Христом? «Кое общение свету ко тме; кое же согласие Христови с велиаром»? ([2Кор. 6, 14–15](#))

Может быть, впрочем, Господь так строг к миру Сам в Своем Лице? Но не сделал ли Он какого послабления в сем для учеников Своих, коим неизбежно быть в мире и жить среди миролюбцев? Никакого. И «они, – говорит, – не от мира, как и Я не от мира» ([Ин. 17, 14](#)). Посему, утешая их, в другом месте прибавляет: «аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир» ([Ин. 15, 18–19](#)). Как же вы хотите и Христу принадлежать, и быть в мире с миром?

Не обетовал ли Господь, по крайней мере, в будущем какого-либо мира с миром? Не дожили ли мы до сего счастливого времени и не можем ли, спокойно миролюбствуя, думать, что угождаем Господу и душу свою спасаем? Нет, не это обетовано. Я, говорит, «пошлю вам Духа такого, Которого мир не может принять» ([Ин. 14, 16–17](#)), то есть Духа, совершенно противоположного духу мира. «И пришед Он обличит мир о гресе и о правде и о суде» ([Ин. 16, 8](#)). Почему постоянное и всегдашнее враждование будет между вами и миром, вследствие коего «в мире скорбни будете; но дерзайте, яко Аз победих мир» ([Ин. 16, 33](#)). Как же это вы хотите жить в мире с миром и принадлежать Господу, когда Дух Господень, поданный последователям Его, никак не может быть мирен с миром?

Итак, видите, что в учении Господа никакого нет снисхождения к миру.

Наперед можете быть уверены, что никакого снисхождения к нему не встретите вы и в речах святы х апостолов. Возьмите дышавшего любовью Иоанна и просиявшего правдою праведного Иакова. Что говорят они? И тот, и другой в одно слово говорят: «не любите мира». «Не любите мира, – говорит апостол Иоанн, – ни, яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем; яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть

его; а творяй волю Божию пребывает во веки» ([1Ин. 2, 15–17](#)). «Не весте ли, – говорит апостол Иаков, – яко любы мира сего вражда Богу есть? Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает». Как это страшно! «Или мните, – продолжает он далее, – яко всеу Писание глаголет: к зависти желает Дух, иже вселился в ны?» ([Иак. 4, 4–5](#)). То есть Сей Дух так ревнив, что никак не может попустить, чтоб мы хотя сколько-нибудь принадлежали миру, требует все целой преданности Господу.

Смотрите далее, что говорят другие апостолы: «мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, Иже от Бога» ([1Кор. 2, 12](#)). Прежде, то есть когда не были христианами, «мы были поработены под стихиями мира» ([Гал. 4, 3](#)) и «ходили по веку мира сего» ([Еф. 2, 2](#)), «по преданию человеческому» ([Кол. 2, 8](#)), то есть по обычаям мирским. Ныне же, то есть принявши Христа, «умросте со Христом от стихий мира» ([Кол. 2, 20](#)), ныне «мир» вам «распялся и» вы «миру» ([Гал. 6, 14](#)), то есть он для вас мертв, и вы должны быть мертвы для него. Посему «блюдите себя нескверными от мира» ([Иак. 1, 27](#)), убегайте от «скверн» мирских ([2Пет. 2, 20](#)) и «яже в мире похотныя тли» ([2Пет. 1, 4](#)); и, «отвергшися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно живите в нынешнем веце» ([Тит. 2, 12](#)). «Мир весь во зле лежит» ([1Ин. 5, 19](#)) и ненавидит добро истинное, посему не дивитесь, что «ненавидит вас мир» ([1Ин. 3, 13](#)). Благодарствуйте паче, приемля благодать, по коей «всяк рожденный от Бога побеждает мир: и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто есть побеждай мир, токмо веруяй, яко Иисус есть Сын Божий» ([1Ин. 5, 4–5](#)), то есть вера Христова так тесно соединена с победою мира, что, где она, там мира нет, – он побежден... и, следовательно, наоборот: где мир есть, там нет веры, нет Христа и христианства.

Вот и апостолы никакой пощады не оказывают миру! Ни Господь, ни апостолы... Чьи же суть ученики те, кои хотят совместить миролюбие с христоробием, кои так учат и так хотят жить? Я вам скажу, чьи, – и скажу словами апостольскими. Апостол Иоанн говорит: «искушайте духи», потому что «много лжепророков вошло в мир. Они от мира суть: сего ради от мира глаголют, и мир тех послушает» ([1Ин. 4, 1, 5](#)), то есть эти лжепророки – лжеучители – защищают мир, потому что сами от мира же суть, а не от Христа. Стало, и слушающие их, и последующие им не Христовы суть, а суть тоже от мира.

И не сбывается ли среди нас то, что предрекал апостол Павел: «будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешими слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся»? ([2Тим. 4, 3–4](#)). Видите, какой строгий приговор не только на

мир, но и на защитников миролюбия!

Так пусть себе кто хочет ухищряется миролюбствовать с ложною надеждою не стать чрез то в противление духу Христову! Вы же не увлекайтесь – и не подражайте таковым! Одно намерение о сем злоухищрении обличает отсутствие духа Христова – обличителя мира. Уместно ли нам думать о союзе мира со Христом, когда, с первых дней явления Спасителя в мир, мир восстал на него и властью, и хитростию, и злобою? Не внушается ли тем, чтоб христиане и думать не думали жить в ладах с миром, кото рый так враждует на Господа их? Так всегда и было. После Господа и святых апостолов все истинно веровавшие и работавшие Господу шли наперекор миру и духу его и за то сами были целию стрел от лица мира – терпели и гонимы были. Да «и вси хотящии благочестно жити в мире гоними будут» (2Тим. 3, 12). Какие же тут лады?!

Теперь, полагаю, все вы согласитесь, что, не одобряя мира, я не свое частное мнение излагал вам. Господь и святые апостолы ясными и определенными словами, не допускающими ни какого перетолкования, осудили его. «Кто от Бога, послушает нас», – говорит святой Иоанн Богослов (1Ин. 4, 6.). После сего нечего нам расходиться в суждениях о мире. Разве, может быть, у нас не сходны понятия о самом мире?! В самом деле, разное можно понимать мир, и не дивно, что между сими понятиями найдутся такие, по коим жизнь мирская не покажется там решительно противоположною духу Христову... В таком случае иной может сказать: «И я знаю, что мир противен Христу и что верующий должен отвергнуть его; но то, что ты называешь миром, я не считаю принадлежащим миру. Скажи мне: что такое тот мир, который осужден Господом и святыми апостолами, в коем живущие гибнут и от коего отречься должны все, желающие спастись и Богу угодить?»

Вопрос, как видите, самый естественный, но не простой, и ответить на него нельзя одним словом. Я постараюсь это сделать в другой раз; а между тем и вас самих приглашаю порассудить о том. В самом деле, может быть, достаточно с точностию определить, что такое мир и мирское, чтоб отвратиться от них, и что если то или другое допускается в жизни, то потому только, что не считается мирским.

Возьмите же на себя немного труда – уяснить сие. В благоприятное время и я приду к вам на помощь с моим словом, чтоб совместно нам преуспевать в познании истины христианства, во спасение наше и славу Бога, в Троице поклоняемого. Аминь.

Прибавление. Что такое мир, по слову святого Исаака Сирианина

В конце последнего слова предложен вопрос: **что такое мир?** – оставленный без решения. Желающим иметь решение его предлагается то, что говорит о сем святой Исаак Сирианин.

Когда слышим об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование, из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей: сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира.

Слово **мир** есть имя собирательное, обнимающее собою перечисленные нами страсти. Если человек не узнал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним. Много есть таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира и отказались от общения ими с миром и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не возмogli они сознать в себе и страстей своих; и как не сознали их, то не позаботились и об их уврачевании.

По умозрительному исследованию **миром** называется и состав собирательного имени, объемлющего собою отдельно взятые страсти. И когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром, а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями. Страсти же суть части преемственного течения мира; и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности. И страсти суть следующие: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть супружества; желание чести, от которого истекает зависть; желание распоряжаться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиною злопамятства; страх за тело.

Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер; и в какой мере недостает там некоторых из сих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего; как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, ж

или не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь и какими умер миру. Когда дознаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого дознаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него.

И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он из мира. И отчуждение от мира познается по сим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума.

Примечания

1

В крещении. – Ред.

Нисходящая. – Ред.

Попечение, устройство. – Ред.

4

Печали

5

на обе ноги

Любви, воспламенения. – Ред.

Благоговей. – Ред.

Интриг. – Ред.